

ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АБХАЗО-ГРУЗИНСКОГО МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

1. Особенности швейцарской модели

Стало уже привычным, что Швейцария служит почти хрестоматийным примером гармоничного сосуществования в пределах общего государства нескольких отличных друг от друга в этническом, лингвистическом, культурном и конфессиональном отношении сообществ. Однако тот факт, что в качестве удачной модели почти всегда фигурирует именно Швейцария (несколько реже упоминаются Бельгия и Канада), свидетельствует скорее об уникальности швейцарского опыта, чем о возможности его широкого распространения. В то же время было бы непростительной расточительностью игнорировать достижения швейцарского федерализма и швейцарской демократии, которые и обеспечили этому государству успех и стабильность.

Возможно, универсальное значение опыта Швейцарии в его многообразии. Иными словами, каждый может найти здесь нечто интересное и ценное для себя. Ниже будет предпринята попытка выделить отличительные черты швейцарской модели, которые показали наиболее ценными автору данной статьи.

Осознание ценности культурных различий

Одной из важных причин впечатляющего результата, достигнутого Швейцарией, является то обстоятельство, что она никогда не была и не пыталась быть унитарным (однонациональным) государством, хотя германоязычное население составляло и продолжает составлять в стране существенное большинство. Поддавшись соблазну строить государство на основе только одного языка, одной культуры, одной религии, Швейцария оказалась бы в плену множества проблем, как это часто происходит с другими странами, отличающимися большим внутренним этнокультурным, лингвистическим и конфессиональным разнообразием. Это разнообразие иногда становится источником многих бед и даже приводит народы и государства к краху.

Швейцария, напротив, сумела превратить свои слабости в достоинства и преимущества. Вместо того чтобы попытаться сделать свой культурный ландшафт более однотонным, швейцарцы научились гордиться тем, что живут в полиэтничном, поликультурном и поликонфессиональном сообществе. Из-за отсутствия в стране ярко выраженных социально-экономических, лингвистических или религиозных границ почти каждый швейцарец на собственном опыте знает, что значит принадлежать к какому-либо из меньшинств. Это очень важно для развития культуры толерантности и плюрализма¹.

Ряд исследователей отмечают, что в отличие от США и Канады целью Швейцарии не является слияние народа в единую общность. Порой швейцарцев называют «многокультурной искусственной нацией». В то же время есть нечто объединяющее граждан этой страны. Баста говорит о политической общности, основанной на разделяемых обществом политических ценностях, которые были сформулированы в течение продолжавшегося веками процесса строительства нации².

Демократия консенсуса

Несомненно, принципы демократии принадлежат к числу важнейших для Швейцарии ценностей. В отличие от стран, приверженных либерально-демократическим принципам, Швейцарии удалось выработать наиболее соответствующий ее политическим и культурным особенностям тип демократии. По существу, швейцарское понимание демократии во многом приближено к коллективным правам и основано на разделении политической власти между германоязычным большинством, составляющим 65% населения, и говорящими на французском, итальянском и ретороманском языках меньшинствами, равно как и между протестантами и католиками. В этом коренное отличие Швейцарии от большинства других федераций, где, как уже отмечалось, федерализм служит цели объединения различных групп. Можно сказать, что в Швейцарии делается ставка на интеграцию через сохранение языковых и культурных различий.

Не менее впечатляет и то, как Швейцарии удается преодолеть противоречия, изначально существующие между принципами демократии и федерализма. Коллизия состоит в том, что осново-

¹ Linder W. Swiss Democracy. Possible Solutions to Conflict in Multicultural Societies. London. 1994. P. 25.

² Basta L. Minority and Legitimacy of a Federal State, в: Basta L. and Fleiner T. (eds.). Federalism and Multiethnic States. The Case of Switzerland. Fribourg (Suisse): PIFF. 1996. P. 44.

полагающая для демократии формула «один человек — один голос» в реальной жизни не вполне может обеспечить жизнеспособность федеративного государства. Швейцарии пришлось отступить от нее в интересах соблюдения принципа политического равенства всех федеративных единиц, которые весьма отличаются друг от друга размерами территории и численностью населения. Население кантона может составлять как более миллиона, так и менее двадцати тысяч жителей, что не мешает им иметь равное представительство в федеральных органах. Чтобы сбалансировать интересы кантонов и граждан, последним предоставлена широкая возможность участвовать в процессе принятия решений на всех уровнях через народные инициативы и референдумы.

Как подчеркивает Лидия Баста, швейцарское понимание демократии не относит выборы к демократической активности первичной важности, поскольку люди не всегда могут контролировать своих представителей посредством выборов. Они могут делать это более эффективным способом, имея возможность непосредственно влиять на принятие конституционных и законодательных решений. Иначе говоря, принципы представительной демократии играют второстепенную роль в системе, где власть передана кантонам и коммуна¹.

Понятия «большинство» и «меньшинство», вызывающие серьезное затруднение во многих демократиях, не играют столь важной роли в Швейцарии, где по традиции всегда ищут и находят общую почву для интересов. Швейцарская политическая традиция рассматривает принцип консенсуса как основу легитимности власти. Решение большинства может не устроить миноритарную группу, которая не будет считать его для себя обязывающим. Это неизбежно подвергло бы сомнению легитимность данного решения, следовательно, оно может быть принято только при наличии согласия всех заинтересованных сторон.

Возможность конфликта между принципами демократии и федерализма, конечно, существует. Это, в частности, может произойти в том случае, если результаты общегосударственного и кантонального референдумов не совпадут. Поскольку число избирательных участков в Швейцарии возрастает на 100% каждые 20 лет (с 1930 г.), то риск подобных коллизий увеличивается. По-видимому, таковы неизбежные издержки демократии.

Три уровня лояльности

¹ Ibid. P. 50.

Как известно, Швейцария состоит из 26 кантонов и полукантонов, каждый из которых включает в себя различное число коммун. Последних насчитывается около трех тысяч. Назвать более точную цифру невозможно, поскольку число коммун постоянно растет за счет дробления существующих, в результате чего половина коммун состоит всего лишь из пятисот жителей. Хотя коммуны даже не упомянуты в конституции, их роль в политической жизни настолько значительна, что швейцарскую федеративную модель иногда называют коммунальным федерализмом. Степень автономии этих коммун различна, но есть обязательный набор их прав. Так, например, только от самой коммуны зависит, объединиться ей с другой коммуной или существовать независимо. Сама коммуна определяет структуру управления в пределах кантонального законодательства и сохраняет полную свободу действий в тех делах, которые не входят в сферу компетенций кантона или федерации. В то же время никакие реформы местного управления сверху невозможны. Как отмечает Вольф Линдер, каждый из 26 членов «федеративного дома» имеет свою собственную комнату и может закрыть дверь, как только захочет. Таким образом, федерализм создает своего рода горизонтальную сегментацию, позволяющую различным группам жить отдельно, не беспокоя друг друга¹.

Нельзя не остановиться и на такой уникальной особенности Швейцарии, как институт тройного гражданства, предусматривающий предоставление федерального гражданства негражданам лишь после получения муниципального (коммунального), а затем и кантонального гражданства. Принципиально важно, что Конституция Швейцарии начинается словами: «Мы, народы кантонов...», что дает основание говорить о своеобразной децентрализованной, коммунальной и кантональной лояльности, органично дополняемой и лояльностью к федерации в целом. В частности, служба в армии является для швейцарцев важнейшим интеграционным фактором. Во всяком случае, можно констатировать, что каждый швейцарец — профессор или бизнесмен, официант или школьный учитель — воспринимает регулярные военные сборы и учения как дело чести каждого настоящего мужчины.

Политическая культура и толерантность

Особо надо отметить характер политической культуры этой страны, в значительной степени определяющий ее облик. Возможно,

¹ Linder W. Op. cit. P. 24.

кому-то политическая жизнь Швейцарии может показаться несколько вялой из-за отсутствия харизматических лидеров и бурных политических дискуссий. Этому есть свое объяснение, если иметь в виду, что в этой стране принципы репрезентативной демократии не столь важны, а власть разделена между кантонами и коммунами. То, что осталось, является объектом постоянного публичного пересмотра через законодательный и конституционный референдумы и общественные инициативы. Важность последних в том, что они показывают, как меняется отношение населения к правительству¹. Здравый смысл и толерантность проявляются на всех уровнях власти и во всех сферах жизни. Джентльменские соглашения и неписанные правила игры являются характерной чертой швейцарской политической культуры. Так, например, существует политическая договоренность, согласно которой в Федеральный совет входят по два представителя Радикальной партии, два христианских демократа, два социал-демократа и один член Народной партии. Эта «магическая формула» позволяет поддерживать политический баланс в обществе.

Линдер указывает, что федеральные власти относятся к кантонам так же уважительно, как к иностранным государствам. Широко известен конфликт с регионом Юра, пожелавшим отделиться от кантона Берн. Хотя конституция позволяет федеральным властям в подобных случаях использовать военную силу, отозвать субсидии или применить иные меры воздействия, это противоречило бы нерушимому правилу швейцарской политической элиты: воздерживаться как от принуждения силой, так и от прямой конфронтации между кантоном и федеральными властями. Стремление к компромиссу помогло при урегулировании проблемы, а данный случай попал во все учебники и исследования, посвященные швейцарскому федерализму.

2. Грузия в поисках новой идентичности

Вряд ли можно считать серьезными дискуссии о возможности имитации швейцарской модели на иной культурно-исторической почве. Сегодняшняя Швейцария прошла свой собственный путь длиной в 700 лет. Находясь в гуще европейских войн и революций и будучи окружена со всех сторон наиболее влиятельными и не всегда миролюбивыми государствами континента, она сумела найти свою

¹ Barber B. Participation and Swiss Democracy, в: Government and Opposition. A Journal of Comparative politics. Vol.23. No. 1. Winter 1988, London. P. 44.

идентичность. Возможно, самая большая удача Швейцарии в том, что она не подражала другим странам.

Можно, конечно, попытаться воспроизвести швейцарскую конституцию, ее политические институты и систему государственного устройства. Но при отсутствии генетических традиций демократии и политической культуры, органично присущих не только политикам и интеллектуалам, но и рядовым гражданам этой старейшей европейской демократии, вполне вероятно, что на свет появится некое государственное образование, в котором под демократической вывеской будут осуществляться авторитарное правление, этнократия и ассимиляция меньшинств. В этой связи уместно вспомнить, что Советский Союз формально представлял собой федеративное государство с вполне демократической конституцией, предусматривавшей даже право сепарации для союзных республик. Но это не мешало ему в реальной жизни быть унитарным тоталитарным государством, осуществлявшим политику массовых репрессий против своих граждан и геноцид в отношении целых народов.

Майкл Линд указывает, что те, кто призывает недемократические многонациональные государства принять швейцарскую или канадскую систему разделения власти как альтернативу распаду страны, редко описывают, какая политика будет применена в случае, если конституционные панацеи не сработают (как это чаще всего и происходит)¹. Это надо иметь в виду, рассматривая идею федерализации Грузии, которая получила довольно широкое распространение в среде иностранных политиков и экспертов, вовлеченных в процесс грузино-абхазского урегулирования. Дипломаты стран-членов группы «Друзей Генерального Секретаря ООН по Грузии» и представители ведущих глобальных и региональных организаций полагают, что трансформация Грузии в федеративное государство будет способствовать не только разрешению этнополитических конфликтов, но и скорейшей политической модернизации этой страны.

Нельзя не заметить определенное сходство Грузии с Швейцарией, на фоне которого еще более отчетливо проявляются глубинные различия между этими двумя странами, вполне естественные в контексте истории, политических традиций и национального менталитета. Особенно четко вырисовывается основное отличие: если Швейцария на протяжении всей своей истории стремилась сохранить этнокультурное разнообразие, то Грузия, напротив, преследовала цель

¹ Lind M. Problems of Nationalism // Foreign Affairs. Vol.73. No. 3. May-June 1994. P. 96.

создания единой этнонации. И тем не менее, а возможно, и тем более, уроки Швейцарии могли бы быть полезны грузинской политической элите для корректировки подходов к построению современного грузинского государства, особенно в части проблем гражданства, нации и языка. Пока же в Грузии преобладают иные тенденции, характерные, впрочем, для большинства посттоталитарных стран.

Грузия как государство грузинской нации

Получив во второй раз в этом столетии шанс создать свое независимое государство, грузинские политические и общественные деятели ни на миг не усомнились в том, что это должно быть государство грузинской нации. В эйфории торжества по поводу стремительного обвала СССР и обретения Грузией своей независимости лидеры национально-освободительного движения не использовали существовавшую в тот период возможность вовлечь в процесс государственного строительства представителей «нетитульных» наций. Они как бы задались целью доказать справедливость определения национализма как последней стадии коммунизма. Хотя верно и то, что ни одна из бывших советских республик не избежала национализма. И все же для Грузии с ее значительным этнокультурным и лингвистическим разнообразием, с тремя автономными единицами в ее составе это имело особенно серьезные последствия. Звучавшие в те годы публичные призывы ограничить рождаемость среди негрузинских меньшинств или отменить в Грузии автономии не могли не вызвать крайне болезненной реакции среди негрузинского населения, и их отголоски продолжают отравлять общественную атмосферу и по сей день. Грузия оказалась ввергнута в грузино-осетинский вооруженный конфликт, а затем и в гражданскую войну.

С возвращением в Тбилиси Шеварднадзе появилась надежда на умиротворение страны. Однако бывшие коммунистические бонзы, хоть и были воспитаны на идеях «пролетарского интернационализма», не захотели, да и не смогли отказаться от националистических лозунгов, так как, столкнувшись с кризисом легитимности своих режимов, они обратились к другому «тоталитарно-легитимному» базису — национальным интересам в качестве универсальной ценности¹. Поэтому наблюдающиеся сегодня попытки взвалить на З. Гамсахурдиа весь груз прошлых ошибок совершенно несостоятельны. Гамсахурдиа никак нельзя считать случайной фигурой на грузинской политической сцене, а скорее, следует рассматривать как показатель состояния общественного сознания. В Абхазии превалирует мнение, что смена руководителей Грузии совершенно не означает

радикального изменения политики в отношении меньшинств или «проблемы Абхазии». Достаточно вспомнить, что именно при Шеварднадзе был отвергнут без всякого обсуждения предложенный абхазской стороной проект договора «Об основах взаимоотношений между Республикой Абхазия и Республикой Грузия», а начавшиеся были грузино-абхазские переговоры на правительственном уровне были прерваны неожиданным вводом грузинских войск в Абхазию.

Если раньше, во времена Гамсахурдиа, вульгарный национализм был главным средством мобилизации народных масс в ходе митингов, то сегодня он приобрел более respectable вид и переместился в круги тбилисских интеллектуалов. Показательно в этом отношении мнение довольно известного на Западе Гиа Нодиа, склонного считать национализм полезным в качестве «стратегии переходного периода». Нодиа убежден, что «демократия никогда не существует без национализма»². Не отказывая национализму в праве на существование, хотелось бы в то же время заметить, что грузинское общество, по-видимому, все еще не осознало, что национализм не является монополией этнического большинства, а неизбежно стимулирует национализм национальных меньшинств, представители которых составляют в Грузии около 30% всего населения. Нетрудно спрогнозировать, к каким последствиям для Грузии приведет продолжающееся использование национализма в качестве «цемента» для строительства грузинской нации. Израильский философ профессор Авинери задается вполне логичным вопросом: действительно ли национальные принципы в чем-то безусловно превосходят общепризнанные принципы либеральной демократии? Далее, рассуждая об опасности национализма со стороны более крупных этнолингвистических групп, он говорит о слепоте больших наций, которые видят в своей ассимиляторской политике триумф прогресса и начинают воспринимать свою культуру как культуру вообще¹.

Очевидно, господствующей сегодня в Грузии идее национального грузинского государства пока нет альтернативы, которая могла бы стать более привлекательной для негрузинского населения республики или сделать более реальными контуры возможных будущих взаимоотношений с фактически отделившимися Абхазией и Южной Осетией. Поскольку в основе легитимности национального

¹ Fleiner Th., Basta L. Federalism, Federal State and Decentralization, в: Federalism and Multiethnic States. P. 14.

² Nodia Gh. Nationalism and Democracy, в: Nationalism, Ethnic Conflict and Democracy. P. 4.

государства лежит этнический принцип, представителям меньшинств предлагается осознать себя грузинами, то есть гражданами Грузии. Вряд ли такая перспектива может восприниматься негрузинским меньшинством с энтузиазмом.

В полиэтническом обществе принцип гражданства, вырастающий из этничности, не может быть выражен иначе, чем принцип доминирующего сообщества. Именно большинство этнонации действует как конституирующая сила. Соответственно доминирующая этнонация является собственником территории, а следовательно, принимает «других» и ожидает от них поведения лояльных граждан².

Это вполне согласуется с большевистским тезисом о праве нации на территорию, который все еще в ходу на постсоветском пространстве и в Восточной Европе. Правда, это вызывает большую путаницу в вопросе об использовании терминов «нация», «национальность» и «национальная группа», зато позволяет одним народам, то есть «нациям», владеть территорией, в то время как другим приходится довольствоваться положением гостей, порой нежеланных, на чужой территории. Поскольку далеко не все лишены права иметь свою территорию народы готовы с этим смириться, этнотерриториальные войны становятся неизбежными, что отчетливо проявилось и в грузино-осетинском, и в грузино-абхазском конфликтах. В этой связи достойно внимания заявление министра иностранных дел Грузии А. Чикваидзе на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 июля 1992 г. по поводу принятия Грузии в эту международную организацию: «В Грузии нет ни пяди негрузинской земли, и мы решительно будем пресекать любую претензию на грузинскую землю»¹. Вряд ли можно считать простым совпадением, что ровно через две недели после этого заявления Тбилиси ввел свои войска на территорию Абхазии.

Не составляет особого труда опровергнуть подобную официально заявленную точку зрения Грузии с правовых позиций. Достаточно сказать, что даже при Сталине и Брежневе Абхазская Автономная Советская Социалистическая Республика имела свою территорию, границы которой были зафиксированы в конституции, гражданство, флаг и другие атрибуты государственности. Если же, не слишком углубляясь в историю, вспомнить 1921–1931 гг., то в этот исторический период Абхазия была не автономной республикой, а Советской Социалистической Республикой, «добровольно»² и на

паритетных началах объединившейся с Грузинской ССР на основе союзного договора. И лишь в 1931 г. Сталин, используя свою тогда уже практически неограниченную власть, понизил статус Абхазии до уровня автономии в составе Грузинской ССР, что вызвало в Абхазии широкое народное недовольство. Естественно, такое весьма сомнительное с правовой точки зрения решение, по существу, никогда не воспринималось абхазами как легитимное. Что же касается права на территорию, то абхазы на протяжении веков воспринимали Абхазию как землю абхазов, вне всякой зависимости от превратностей исторической судьбы, которая иногда благосклонно способствовала могуществу и процветанию Абхазского царства, а иногда низводила Абхазию до уровня отдаленной провинции Османской или, позже, Российской империи.

Существует явление, получившее название «реконквисты истории». Нация, убежденная в том, что с приходом тоталитаризма ее история прервалась, пытается отыграть обратно свою «недооцененную собственность». Это может выразиться в смене монументов, названий улиц или других жестях. Так, Абхазия восстановила Конституцию 1925 г., по которой ее статус был выше, чем в 1992 г., а Грузия — Конституцию 1921 г., согласно которой она была независимым государством. В новых исторических обстоятельствах проходил поиск новых идентичностей на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Восточной Европе. Из-за негативного опыта исторического общения в последнее столетие трудно говорить о наличии у грузин и абхазов объединяющей идеи или общих ценностей, которые смогли бы примирить интересы обеих сторон, без чего достижение устойчивого мира невозможно. И в данном контексте можно вновь обратиться к опыту Швейцарии. То, что сегодня является Швейцарией, когда-то представляло собой группу почти не связанных между собой небольших государств-кантонов, население которых значительно различалось между собой в этнокультурном, лингвистическом и конфессиональном отношении. Только наличие общих ценностей смогло объединить людей, говорящих на четырех языках, принадлежащих к двум различным конфессиям. Правда, был недолгий период, когда Швейцария пыталась, как это сейчас делает Грузия, взять на вооружение французскую модель унитарного государства (в 1798–1803 гг.), но затем был сделан выбор в пользу децентрализации, широкой политической автономии и

¹ Avinery Sh. Ibid. P. 27.

² Basta L. The Role of the Constitution in Central and Eastern Europe in Transition...Рукопись. P.20.

¹ Чикваидзе А. Выступление на сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, цит. по газ. «Свободная Грузия». 2 августа 1992 г.

² Понятно, о каком «добровольном объединении» могла идти речь в тот период.

государственности каждого кантона, а в качестве объединяющей идеи была избрана не этнонациональная, а групповая солидарность.

Посттоталитарная демократия

Крах коммунистической идеологии отнюдь не ознаменовался торжеством демократии, как вначале наивно надеялись многие истосковавшиеся по свободе слова и политическому плюрализму граждане бывшего СССР. В лучшем случае то, что пришло ей на смену, можно назвать «посттоталитарной демократией», а в таких странах, как Туркменистан, можно, скорее, говорить о восточном варианте авторитарного правления. Грузия, которая с готовностью сделала свой выбор в пользу западных моделей, приветствовала демократию как нечто, к чему грузинское общество было готово уже давно. Согласно Д. Зурабишвили, демократия воспринималась в Грузии как естественный атрибут суверенитета, как синоним западного образа жизни, то есть материального благосостояния¹. Такое упрощенное понимание демократии как правления большинства таило в себе серьезную опасность для многонациональной страны с существенными культурно-конфессиональными различиями, какой является Грузия. Воспринимая демократическое правление как неограниченное право грузинского большинства решать те вопросы, которые раньше были прерогативой Москвы, грузинская интеллигенция не смогла осознать, что другой стороной демократии является право меньшинства на защиту своих интересов. Вместо этого появилась уверенность, что теперь ничто и никто не сможет помешать воспользоваться своим численным преимуществом, то есть поставить демократию на службу интересам грузинской нации.

Одним из первых требований лидеров грузинского национального движения стал призыв к немедленной отмене автономий в Грузии. Главным аргументом в пользу такого решения было утверждение, что автономии созданы большевиками с целью наказания Грузии за ее недостаточную лояльность. Такое мнение довольно широко распространено в грузинском обществе и сейчас, несмотря на драматические уроки грузино-осетинского и грузино-абхазского вооруженных конфликтов. Даже такой искушенный политик, как Э. Шеварднадзе, счел возможным высказать его в одном из газетных интервью: «Россия и Грузия по количеству автономий стояли на первом и втором местах. Такого количества автономий не было ни у одной республики... А почему автономия, почему абхазы и осетины

¹ Zurabishvili D. Shevardnadze's One-Man Democracy//War Report. No 45. September 1996. P.30.

получили автономии? Потому что они поддерживали большевиков»¹. Надо признать это высказывание довольно рискованным, если учесть, что в качестве одного из вариантов урегулирования грузино-абхазского конфликта грузинский лидер и сейчас предлагает абхазам «самую широкую автономию в составе Грузинского государства».

Приходится констатировать, что гласность и демократизация косвенно спровоцировали конфликты, ранее существовавшие в Советском Союзе в латентной форме. Поэтому вопрос о том, как «работает» демократия в обществах, разделенных по этническому признаку, представляет отнюдь не академический интерес, а становится ключевым в процессе строительства Новых независимых государств, население которых в подавляющем большинстве случаев не является этнически гомогенным. В этой связи уместно отметить, что, хотя советские автономии и были в значительной степени фикцией, коммунисты все же имели свою отработанную десятилетиями систему поддержания национального баланса в органах власти. Достаточно сказать, что представители меньшинств могли претендовать на определенное число мест в законодательных органах всех уровней. В устоявшейся системе было четко зафиксировано, на какие руководящие должности могли или не могли быть назначены люди той или иной национальности. К примеру, абхаз ни при каких условиях не мог быть назначен председателем комитета государственной безопасности Абхазской АССР, но зато первым секретарем Абхазского областного комитета коммунистической партии Грузии должен был быть абхаз, а председателем Совета министров — грузин. Вопрос о назначении решался в Тбилиси, как правило, после консультации с Москвой. Как бы плох ни был этот порядок, он функционировал десятилетиями, создавая определенную стабильность в обществе, хотя ясно, что в круг номенклатуры часто попадали отнюдь не компетентные профессионалы, а доказавшие свою лояльность системе члены партии.

С началом горбачевских реформ и особенно после распада Союза все изменилось. Вполне реальной стала угроза того, что демократия исключит национальные меньшинства из социально-политической жизни. Как отмечает Фляйнер, те, кто не является частью большинства, стали теперь рассматриваться как отщепенцы, диссиденты, исключенные (как раньше рассматривались все те, кто не являлся членом партии)¹. Эта характеристика вполне соответствовала тому положению, в каком оказались абхазы и другие малочисленные

¹ Интервью Э. Шеварднадзе газете «Московские новости», 12–19 августа 1995 г.

этносы после того, как рухнула империя. Абхазы составляли лишь 2% от всего населения Грузии, а в самой Абхазии доля абхазского населения за последние 60 лет сократилась с 50 до 18% вследствие активной переселенческой политики Тбилиси². Таким образом, абхазы неизбежно превращались в так называемое «замороженное», или «вечное», меньшинство как в Грузии, так и в самой Абхазии. Поэтому вполне логичным ответом абхазов на этот вызов стал бойкот выборов первого президента Грузии, а также референдума о выходе Грузии из СССР. В противовес этому абхазы совместно с русскими и армянами провели и выиграли в Абхазии в марте 1991 г. так называемый горбачевский референдум о сохранении СССР в обновленном виде. Последний был запрещен на территории Грузии, и в нем не участвовало подавляющее большинство грузинского населения Абхазии. Таким образом, кризис легитимности проявился вполне отчетливо.

Как отмечают правоведы, вопрос меньшинств тесно связан с вопросом легитимности. Легитимность не обеспечивается использованием принципа простого большинства, а требует в качестве своего неотъемлемого условия соблюдения принципа консенсуса мажоритарных и миноритарных групп. Практика показывает, что никакие правовые механизмы защиты прав меньшинств не компенсируют недостаток легитимности национального государства для тех граждан, которые не принадлежат к большинству нации. Это в полной мере можно отнести и к Грузии, где лояльность к государству не может быть выражена иначе, чем через лояльность к этнонации, то есть к грузинской нации. Неясно, что концепция грузинского национального государства может предложить меньшинствам, кроме молчаливого признания за грузинской культурой и грузинским языком права на доминирование. Принятый в Грузии закон о языке, предоставляющий грузинскому языку статус официального, фактически смещает остальные конкурирующие языки. Естественно, это вызывает недовольство миноритарных групп, что уже проявилось в районах компактного проживания армянского населения при попытке перевода делопроизводства на грузинский язык. Надо согласиться с Янном, что свобода и равенство никогда не были свободой и равенством языковых групп. В полиэтническом государстве не может быть нескольких господствующих языковых

¹ Fleiner Th., Legal Instruments and Procedures to Prevent and Solve Ethnic Conflicts. в: Federalism in... P. 112.

² В 40-е гг. XX в. Берия, естественно при поддержке Сталина, осуществлял массовое переселение жителей Западной Грузии в Абхазию, причем зачастую это делалось с подавлением протестов переселенцев.

групп и поэтому демократия всегда может превратиться в этнократию¹. В качестве иллюстрации этого тезиса можно отметить, что в грузинском парламенте всего около 7% представителей нетитульной нации.

Известно, что некоторые государства, например США, Испания, Бельгия и др., используют практику так называемой позитивной дискриминации, то есть введение квот или использование других механизмов для защиты прав меньшинств. Швейцария никогда не предоставляла никаких особых прав ни одному из меньшинств, потому что в этом нет необходимости в условиях демократического децентрализованного федеративного государства, в котором лингвистические и культурные различия институционализированы, а такие понятия, как «победа» и «поражение», практически отсутствуют в политическом лексиконе. Что же касается Грузии, то сегодня это государство находится в процессе становления, и пока не вполне ясно, какой путь оно изберет. Принимаемые парламентом законодательные акты, как и некоторые заявления и шаги ведущих политиков страны, далеко не всегда дают основания надеяться, что в обозримом будущем Грузия станет по-настоящему демократическим государством, где права человека и права меньшинств возведены в ранг высшей ценности.

Угроза дезинтеграции: мнимая или реальная?

Каждое сообщество живет со своими собственными страхами, которые, по-видимому, являются составной частью идентичности. Изучение страхов представляет значительный интерес в процессе поиска путей решения той или иной проблемы. Что касается грузинского общества, страх перед дезинтеграцией страны в значительной степени определяет как настроения политической элиты, так и политику государства. Следует признать, что опасения небеспочвенны. Грузия никогда не являлась монолитом, а состояла из нескольких территориальных ареалов и этнотерриториальных единиц, имевших между собой ощутимые политические, этнокультурные или лингвистические различия. Довольно многочисленные армянское и азербайджанское меньшинства проживают в ряде районов компактно. Собственно картвелы составляют около 70% населения, при этом существует мнение, что грузинская нация недостаточно консолидирована и состоит из различных субэтносов — аджарцев, мегрелов, сванов и других. Грузия — это не только полиэтническая, но и

¹ Янн Э. Демократия и национализм, он же патриотизм: единство или противоречие? Рукопись. С. 18.

поликонфессиональная страна, и в этом отношении ее вполне можно сравнить со Швейцарией. Однако в отличие от последней в Грузии главным стремлением «отцов нации» всегда было объединение. В прошлом веке Илья Чавчавадзе выдвинул формулу: «Язык, отечество, вероисповедание», которая была реанимирована во времена З. Гамсахурдиа. Радикализм последнего, в частности, спровоцировал обострение ситуации в Абхазии, где была предпринята попытка насильственно крестить абхазских мусульман.

Стремление к чрезмерному единению, к нивелированию этнических, лингвистических и культурно-религиозных различий вообще довольно характерно для Грузии. Был создан ряд псевдонаучных теорий, призванных обосновать тезис о том, что абхазы — это грузины, а абхазский язык является диалектом грузинского. В 30—40-е гг. эти теории почти вытеснили из обихода подлинно научные труды крупных ученых, в том числе и грузинских. Организованная Берией антиабхазская кампания сопровождалась закрытием абхазских школ, запретом на изучение и употребление абхазского языка, но после смерти Сталина ситуация несколько улучшилась. Однако имперские теории не исчезли, а только ожидали своего часа.

В конце 80-х гг., как по мановению волшебной палочки, все вернулось на круги своя, и в грузинской партийной (!) прессе появилось множество публикаций, где абхазов сравнивали со мхом на национальном теле Грузии и называли не иначе как «сепаратистами» и «агентами Кремля». В годы грузино-абхазской войны копившаяся десятилетиями с обеих сторон вражда выплеснулась. Вероятно, символическое значение имели сожжение грузинскими военными абхазского Государственного архива, здания Абхазского института языка, литературы и истории, осквернение памятников абхазских писателей и просветителей.

В своей книге «Черное море. Родина цивилизации и варварства» Н. Ашерсон описывает озабоченность грузинской интеллигенции наличием культурных и лингвистических различий на примере мегрелов и лазов, с удивлением отмечая «яростную вовлеченность мегрельских интеллектуалов и политиков в борьбу за то, чтобы воспрепятствовать развитию собственного языка в литературный язык»¹.

Сегодня, когда федерализация Грузии становится все более реальной перспективой, наиболее продвинутой частью грузинской политической элиты, по-видимому, уже готова принять федеративную модель государственного устройства. Но при этом в обществе все еще ощущается серьезное опасение в связи с вышеупомянутыми

различиями. Можно привести характерную цитату из проекта концепции национальной безопасности Грузии: «Наличие этнической пестроты в стране представляет собой серьезную угрозу»². Подобное отношение, с одной стороны, не только не способствует гражданскому миру, но, напротив, формирует у меньшинств ощущение своей «отверженности», возможно, подталкивая их к сепаратизму. С другой стороны, страх перед распадом заставляет медлить с началом децентрализации и преобразованием Грузии в федеративное государство. Можно напомнить, что новая грузинская конституция отложила решение этого вопроса на будущее. Говоря о нежелании грузинского руководства отказаться от практики назначения региональных руководителей, Нодия указывает, что, хотя Шеварднадзе и проявляет готовность к демократическим преобразованиям, его терпимость не распространяется на сферу территориального устройства. Страх потерять контроль над провинциями превалирует¹. Возможно, поэтому многие грузинские политики обратили свой взор в сторону Франции, являющейся унитарной централизованной страной, а не децентрализованной Швейцарии. По мере того как власть регионов будет приобретать реальные очертания, эти опасения могут усилиться. Однако совершенно ясно, что подлинный федерализм невозможен без децентрализации и высокой степени демократии. Федерация не может создаваться по приказу, а лишь на основе взаимного желания и доверия субъектов и центра, что станет возможно только, если грузинское общество освободится от страха перед распадом страны.

3. Заключение

Фляйнер полагает, что каждый этнический конфликт выглядит неизбежным; в то же время каждая из сторон конфликта — в зависимости от того, на какой исторический период она ссылается, — может претендовать на то, что защищает свои неотъемлемые права². Не оспаривая это мнение, можно добавить, что используемые в споре аргументы нельзя отбрасывать как ненужные старые бумажки. Напротив, они нуждаются в тщательном анализе, так как помогают услышать внутренние опасения и тревоги каждой из сторон за будущее своего сообщества. Без этого вряд ли удастся

¹ Ascherson N. Black Sea. London, 1996. P. 202.

² Концепция национальной безопасности Грузии (автор — профессор Н. Микеладзе) // Конфликты и переговоры. № 18—19. Зима—весна 1998. Тбилиси. С. 10.

сконструировать некую общую идею, которая позволит враждующим сторонам начать путь навстречу друг другу.

За последние 120 лет абхазам трижды пришлось ощутить на себе удары судьбы, которые подвели их к последней черте, за которой — пустота. Огромные жертвы принесены, чтобы сохранить свою идентичность. Сегодня Абхазия все еще живет под знаком прошедшей войны с Грузией, психологические последствия которой оказались особенно тяжелыми оттого, что по другую сторону линии фронта оказались не чужеземцы, а соседи и даже родственники из иной этнической группы. Переплетение этнического и политического факторов делает особенно трудным возведение новых мостов, которые подвели бы к некой форме мирного сосуществования абхазов и грузин. В данной ситуации попытка копировать швейцарскую модель для строительства федеративного государства выглядит утопичной, хотя до войны 1992–1993 гг. использование ее отдельных элементов при построении федеративного грузино-абхазского государства могло бы вполне устроить абхазскую сторону, серьезно озабоченную перспективой выживания своего этноса.

Теперь же, когда доверие между двумя сообществами равно нулю, необходимо прежде всего искать такое решение, которое давало бы абхазам гарантии того, что возврат к прошлому невозможен. Понятно, почему Грузия сегодня готова видеть Абхазию субъектом Грузинской федерации: это повысит уровень безопасности государства, а восстановление юрисдикции Тбилиси над Абхазией — что не менее важно — позволит вернуть беженцев. Но Абхазия, которая уже 5 лет существует как де-факто независимое государство, не видит преимуществ, которые дало бы ей вхождение в состав Грузии. Опыт подсказывает, что уровень безопасности Абхазии в этом случае понизился бы, так как Тбилиси вновь получил бы вполне законное право использовать военную силу против Абхазии и навязывать ей как свою политическую волю, так и грузинскую культуру, язык и духовные ценности, которые отнюдь не совпадают с абхазскими. В силу этих и других причин достижение ощутимых результатов переговоров, продолжающихся уже пять лет, не представляется возможным до тех пор, пока не будут приняты во внимание следующие факторы:

1. Использование таких терминов, как «федерация» или «автономия», лишь осложняет ход мирного процесса. Если Грузия рассматривает предоставление Абхазии статуса субъекта федерации

¹ Nodia Gh. Democracy without Democrats // War Report. No 56. November 1997. P. 30.

² Fleiner Th. Legal Instruments and Procedures to Prevent and Solve Ethnic Conflicts. Op. cit. P. 111.

или автономии как крупную уступку с ее стороны, то после всего происшедшего для Абхазии такое решение неприемлемо, поскольку хорошо известно, что слишком часто формальные признаки федерализма в недемократических государствах используются для прикрытия имперских амбиций. Следовательно, необходим отказ от традиционных схем и стереотипов.

2. В современный период наблюдается так называемый «взрыв идентичности». По подсчетам исследователей только в 1991 г. в мире существовало 640 движений за отделение. Совершенно очевидно, что мировое сообщество не готово ответить на данный вызов. До тех пор пока в одних случаях отдается приоритет праву на самоопределение, а в других — принципу территориальной целостности, кровавые конфликты будут бушевать на всех континентах. Надо согласиться с мнением Готлиба, который считает, что международная система, состоящая из нескольких сотен независимых территориальных государств, не может быть основой глобальной безопасности и процветания. Необходим пересмотр концепции государства, суверенитета, гражданства с одновременным учетом усиления факторов глобализации и дробления, космополитизма и национализма.

3. Урегулирование взаимоотношений Абхазии и Грузии возможно лишь при достижении более высокого уровня демократии и построения гражданского общества. В условиях когда уважение прав человека остается всего лишь декларацией, а центр ревностно охраняет свою власть над регионами, осуществление конституционных принципов на практике невозможно гарантировать. Взаимное недоверие и негативный опыт абхазов и грузин может быть преодолен лишь на новом, более высоком этапе демократического развития. Следовательно, посредники должны направить больше усилий на поддержку демократических преобразований в Грузии и Абхазии.

4. «Кавказский фактор» может сыграть существенную роль в достижении мира между Абхазией и Грузией. Он мог бы способствовать преодолению недоверия между двумя народами, которое является одним из серьезнейших препятствий на пути к миру. Учитывая слишком сильные различия между Грузией и Абхазией (размер территории, численность населения), участие народов Северного Кавказа, особенно этнически родственных абхазам адыгов, в качестве посредников и гарантов мира смогло бы сбалансировать возможности сторон, что является важным условием успеха мирного процесса. Кроме того, идея Йохана Галтунга о кавказском парламенте или о других общекавказских институтах, в которых участвовали бы

все народы этого региона, независимо от их политического статуса, является весьма плодотворной¹.

¹ Galtung, Johan. Some Observations on the Caucasus//Caucasian Regional Studies. Vol. 2. Issue I. 1997 (<http://poli.vub.ac.be/>).